

ISSN 2309-8325 (print)
ISSN 2782-280X (online)

Уральский
федеральный
университет

УРАЛЬСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**Выпуск 14
2024**

*Специальная тема выпуска:
Китайская цивилизация в прошлом и настоящем:
к 75-летию со дня образования Китайской Народной Республики*

УДК 94(5)
ББК Т3(5)
У686

ISSN 2309-8325 (print)
ISSN 2782-280X (online)

Уральское
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Ural Survey of Oriental Studies

Выпуск 14

Специальная тема выпуска:
Китайская цивилизация в прошлом и настоящем:
к 75-летию со дня образования Китайской Народной Республики

Екатеринбург
2024

Издается с 2005 г.
Выходит один раз в год на русском языке

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77–73366 от 24 июля 2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Главный редактор – профессор В. А. Кузьмин
Выпускающий редактор – доцент Д. В. Возчиков

Редакционная коллегия:

Антошин А. В., д. и. н., проф. каф. востоковедения УрФУ

Валиахметова Г. Н., д. и. н., зам. главного редактора, зав. каф. востоковедения УрФУ

Возчиков Д. В., к. и. н., доц. каф. востоковедения УрФУ, выпускающий редактор

Кузьмин В. А., д. и. н., проф., проф. каф. востоковедения УрФУ, главный редактор

Смирнов С. В., д. и. н., проф. каф. востоковедения УрФУ

Агапов М. Г., д. и. н., проф. каф. новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета (Тюмень)

Беляков В. В., д. и. н., проф., ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

Голунов С. В., д. полит. н., ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН (Москва)

Дацышен В. Г., д. и. н., проф., проф. каф. истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета (Красноярск)

Лычагин А. И., д. и. н., проф., зав. каф. восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород)

Румянцев В. П., д. и. н., проф., зав. кафедрой востоковедения Томского государственного университета (Томск)

Арутюнян А. Ж., д. и. н., проф., проф. каф. всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

Ван Сяоцюань, генеральный секретарь Всекитайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии, зам. директора Исследовательского центра «Пояс и Путь», Китайская академия общественных наук (Пекин, КНР)

Ван Чэньсин, научный сотрудник Китайской академии общественных наук (Пекин, КНР)

Гаеминия А., доктор философии и исламского богословия, Университет Тарбиат Модарес, пл. ред. научного журнала «Зехн» («Разум») (Тегеран, Иран)

Карадавут З., доктор философии, проф., зав. каф. турецкого языка и литературы Университета Акдениз (Анталья, Турция)

Ли Джехёк, проф., Пусанский университет иностранных языков (Пусан, Республика Корея)

Молодяков В. Э., д. полит. н., доктор философии, к. и. н., проф. Университета Такусёку (Токио, Япония)

Рахмонова Ю. М., к. и. н., доц., Ургенчский государственный университет (Ургенч, Узбекистан)

Эпштейн А. Д., д. социол. н., ведущий научный сотрудник World ORT (Иерусалим, Израиль)

В журнале публикуются исследования и документы по истории, внутренней и внешней политике, культуре, религиям, языкознанию стран Востока. Авторами являются представители научно-исследовательских центров и вузов России, стран СНГ, Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока.

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов

Дата выхода в свет: 11.11.2024 г.

Формат 70x100/16. Уч.-изд. л. 12,6. Усл.печ. л. 12,9. Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Тираж 500 экз. Заказ № 191. Свободная цена.

Издательство Уральского университета 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра УрФУ

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел./ факс +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

© Уральский федеральный университет, 2024

Адрес редакции:

кафедра востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета 620000, Свердловская обл., г. Екатеринбург, пр-т Ленина, д. 51, к. 367

Телефон: (+7) 343 389–94–27

E-mail: uralorientalstudies@mail.ru

Editor-in-Chief

Vadim A. Kuzmin, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Deputy Chief Editor

Gulnara N. Valiakmetova, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Commissioning Editor

Dmitry V. Vozchikov, PhD in History, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Mikhail G. Agapov, Dr. Hab. (History), Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Alexey A. Antoshin, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Vladimir V. Belyakov, Dr. Hab. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vladimir V. Datsyshen, Dr. Hab. (History), Professor, Department of Russian History of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Alek D. Epstein, Dr. Hab., World ORT, Jerusalem, Israel

Alireza Ghaemini, PhD, Tarbiat Modares University, Tehran, Iran

Sergey V. Golunov, Dr. Hab. (Political Science), Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Hakob Harutyunyan, Dr. Hab. (History), Professor, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Zekeriya Karadavut, PhD, Prof., Akdeniz University, Antalya, Turkey

Vadim A. Kuzmin, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Deputy Chief Editor

Jae-Hyeok Lee, PhD, Professor, Pusan National University, Pusan, Republic of Korea

Alexander I. Lychagin, Dr. Hab., Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Vassili E. Molodiakov, Dr. Hab. (Political Science), PhD, Prof., Takushoku University, Tokyo, Japan

Yulduzhon M. Rahmonova, PhD in History, Associate Professor, Urgench State University, Urgench, Uzbekistan.

Vladimir P. Rumyantsev, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Oriental Studies, Tomsk State University, Tomsk, Russia

Sergey V. Smirnov, Dr. Hab. (History), Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Gulnara N. Valiakmetova, Dr. Hab. (History), Head of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Dmitry V. Vozchikov, PhD in History, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Wang Chenxing, PhD, Researcher at Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, People's Republic of China

Wang Xiaoquan, LLD, Secretary General of Chinese Association for the Study of Russia, Eastern Europe and Central Asia, Deputy Director of the Research Center «Belt and Path», Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, People's Republic of China

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 6

История Китая

<i>Суровень Д. А.</i> Первый и второй этапы генезиса государства в первобытном Китае (IX–III тыс. до н. э.).....	8
<i>Ганиев Р. Т.</i> Дипломат и полководец Чжансунь Чэн (长孙晟) на службе суйского Китая (551–609).....	24
<i>Хамзин И. Р.</i> Китайское усмирение Синьцзяна и позиция России во второй половине 70-х гг. XIX в.	37
<i>Молодяков В. Э.</i> Тайваньский вопрос во франко-японских переговорах 1882–1885 гг. в контексте колониальной политики.....	44
<i>Смирнов С. В.</i> Китай в трудах русских ориенталистов Харбина (1909–1917).....	53
<i>Аурилене Е. Е.</i> Российские эмигранты в Маньчжоу-диго: «За новый мир!» (1941–1945)....	68
<i>Смирнов В. В.</i> Реакция советских специалистов в провинции Шэньси на события в Тибете в 1959 г.	75

Современный Китай: политика, общество, культура

<i>Ван Сюй, Хо Цзиньюй.</i> Современное состояние и перспективы лингвистических исследований энергетического дискурса: опыт Китая.....	81
<i>Иванова Ю. П., Бернгардт Ю. К.</i> Подъем Центрального Китая – приоритет стратегии регионального развития страны (на примере провинции Хубэй).....	92
<i>Актамов И. Г.</i> Новые тенденции в образовательной политике КНР в отношении национальных меньшинств (на материале Автономного района Внутренняя Монголия). ..	101
<i>Бонч-Осмоловская О. А.</i> Новое конфуцианство и внешнеполитический дискурс КНР: интеллектуальные основания китайской дипломатии.	107
<i>Герман М. А.</i> Китай в управлении безопасностью на Ближнем Востоке: концепция обеспечения региональной безопасности и дипломатия посредничества... ..	116
<i>Новоторкина Д. А.</i> Социальное благополучие женщин в КНР.....	125
<i>Алексеев И. А.</i> Опыт построения комбинированной переводческой стратегии поэтического текста – на примере стихотворения Цао Сэна «Хахаха».....	132
<i>Пономарева В. Е.</i> Архитектурный облик Харбина в романе Чи Цзыцзянь «Дым клубится над огнем».....	141
<i>Мышинский А. Л., Сысолятина Ю. С.</i> Китайская Народная Республика: новые времена и новые слова.....	153

Рецензии

<i>Ульянов М. Ю.</i> Фундаментальный труд по религиозной культуре Древнего Китая периода Шан-Инь (XIII–XI вв. до н.э.). Рец. на: Куликов Д. Е. Религиозные представления и культы в Древнем Китае позднешанского периода (ок. 1250 – 1046 гг. до н.э.). Москва: Институт Востоковедения РАН. 2022. 462 с.	164
Сведения об авторах.....	174

CONTENTS

Editorial.	6
--------------------	---

History of China

<i>Dmitry A. Suroweñ.</i> Genesis of the State's First and Second Stages in Primitive China (9th – 3rd Thousand B.C.E.).	8
<i>Rustam T. Ganiev.</i> Zhangsun Cheng (长孙晟, 551–609): Sui Dynasty Diplomat and General.	24
<i>Ildar R. Hamzin.</i> Chinese Pacification of Xinjiang and Russia's Position in the Second half of the 1870s.	37
<i>Vassili E. Molodiakov.</i> The Taiwan Issue in the Franco-Japanese Negotiations of 1882–1885 in the Context of Colonial Policy	44
<i>Sergei V. Smirnov.</i> China in the Works of the Russian Orientalists of Harbin (1909–1917) . . .	53
<i>Elena E. Aurilene.</i> Russian Emigration in Manchukuo “For a New World!” (1941–1945) . . .	68
<i>Vadim V. Smirnov.</i> The Reaction of Soviet Specialists in Shaanxi Province to the Events in Tibet in 1959.	75

Modern China: Politics, Society, Culture

<i>Wang Xu, Huo Jinyu.</i> Current State and Prospects of Linguistic Studies of Energy Discourse: China's Experience	81
<i>Yuliya P. Ivanova, Yuliya K. Bernardt.</i> The Rise of Central China – a Priority of the Country's Regional Development Strategy (Based on the Example of Hubei Province).	92
<i>Innokentii G. Aktamov.</i> New Trends in the Educational Policy of the PR China in Relation To National Minorities (Based on the Material of the Inner Mongolia Autonomous Region) . .	101
<i>Olga A. Bonch-Osmolovskaya.</i> New Confucianism and Foreign Policy Discourse of the PRC: Intellectual Foundations of the Chinese Diplomacy.	107
<i>Maria A. German.</i> China in Middle East Security Management: The Concept of Ensuring Regional Security and Mediation Diplomacy.	116
<i>Daria A. Novotorkina.</i> Social well-being of women in China	125
<i>Ivan A. Alexeev.</i> A Variant of Combined Translation Strategy for Rendering Poetic Texts – the Case Study of a Poem “Hahaha” by Cao Seng.	132
<i>Veronika E. Ponomareva.</i> Architectural Image of Harbin in Chi Zijian's novel “Stories of Harbin”	141
<i>Alexey L. Myshinsky, Yuliya S. Sysolyatina.</i> People's Republic of China: New Times and New Words.	153

Reviews

<i>Mark Yu. Ulyanov.</i> A Landmark Study on the Shang-Yin Religious Culture (13 th –11 th Centuries BC). <i>Rev. of: Kulikov D.E.</i> Religioznye predstavleniia i kul'ty v Drevnem Kitae pozdneshanskogo perioda (ok. 1250–1046 gg. do n.e.) [“Religious Ideas and Cults in Ancient China of the Late Shang Period (ca. 1250 – 1046 BC)”]. Moskva: Institut Vostokovedeniia RAN. 2022. 462 p.	164
On the authors.	174

ОТ РЕДАКТОРА

В 2024 г. исполняется 75 лет со дня основания Китайской Народной Республики. За прошедшие годы Китай совершил колоссальный рывок в своем развитии, превратившись в мощную экономическую державу и влиятельную политическую силу на мировой арене. Поэтому вполне закономерно, что очередной номер ежегодного журнала «Уральское востоковедение», который выпускает кафедра востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета (УГИ УрФУ), посвящен 75-летию юбилею КНР.

Преподавание и изучение китайского языка, литературы, культуры, географии, экономики, международных отношений и внешней политики, пятитысячелетней истории Китая ведется на кафедре востоковедения УрФУ с момента ее создания, фактически четверть века. За прошедшее время на кафедре было подготовлено более сотни китаистов, которые впоследствии стали преподавателями, исследователями, переводчиками или другими специалистами в различных государственных структурах, в сфере частного бизнеса как в Екатеринбурге и других городах России, так и за рубежом, в том числе в Китае.

Динамичное развитие китаистики позволило кафедре инициировать в 2007 г. создание в Уральском университете Института Конфуция. С тех пор на постоянной основе в Институте Конфуция УрФУ работают преподавателями не только специалисты из Китая, но и выпускники кафедры востоковедения.

Подтверждением того, что кафедра востоковедения УрФУ стала авторитетным центром подготовки специалистов с хорошим знанием китайского языка стало открытие в 2022 г. отдельной образовательной программы бакалавриата «Китайский язык и китаистика» в рамках ставшего уже традиционным для Урала направления 58.03.01 «Востоковедение и африканистика». Приемные кампании 2023 и 2024 гг. продемонстрировали, что среди абитуриентов, поступающих в УГИ УрФУ, образовательная программа «Китайский язык и китаистика» стала одной из наиболее востребованных и престижных.

За время своего существования кафедра востоковедения УГИ УрФУ создала большой фонд учебно-методической литературы по китайскому языку, который преподаватели и студенты активно используют в учебном процессе, в ходе аудиторных занятий, для выполнения домашних заданий, при подготовке к зачетам и экзаменам. Следует подчеркнуть, что авторами ряда учебных пособий по китайскому языку являются преподаватели кафедры востоковедения. Студенты кафедры, изучающие китайский язык, неоднократно становились призерами или победителями различных конкурсов и олимпиад на знание китайского языка и литературы.

Немало преподавателей и аспирантов кафедры востоковедения в научном плане занимались и занимаются изучением различной проблематики, связанной с историей, экономикой, философией, религией, географией, литературой, куль-

турой, внешней политикой Китая. По китайской тематике на кафедре были подготовлены и успешно защищены несколько кандидатских диссертаций. В целом спектр научных исследований китаистов кафедры востоковедения весьма широк, он охватывает период от древности до современности.

Новый выпуск журнала «Уральское востоковедение» в значительной степени отражает результаты 25-летнего развития китаистики на Урале. Прежде всего следует подчеркнуть внушительное географическое представительство авторов выпуска – это Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Улан-Удэ, Хабаровск, Токио, Пекин, Гуанчжоу, Шанхай. Такой большой географический охват стал традиционным для всех выпусков журнала.

Диапазон тематики представленных статей тоже весьма внушителен. Это страны древней, средневековой, новой и новейшей истории Китая, вопросы религии, лингвистики, языкознания, литературы, специфика современного развития китайских регионов, особенности образовательной политики КНР в национальных районах, актуальные проблемы китайской внешней политики и дипломатии. При этом приятно отметить, что из двадцати авторов, представленных в этом номере журнала, девять исследователей были либо являются преподавателями и выпускниками кафедры востоковедения.

*Главный редактор,
доктор исторических наук, профессор
В. А. Кузьмин*

УДК 94(315)+340.1(09)+930.1/.2+930.2:003.072

Д. А. Суровень

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ЭТАПЫ ГЕНЕЗИСА ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОБЫТНОМ КИТАЕ (IX–III ТЫС. ДО Н. Э.)

Аннотация. В статье предпринята попытка охарактеризовать развитие первобытного китайского общества Южного и Северного Китая на первом и втором этапах генезиса государства (периода существования родовой общины земледельцев и скотоводов и первобытной соседской общины). Выводы исследования основаны на сопоставлении результатов археологических данных со сведениями письменных источников, исходя из общих закономерностей развития первобытного общества.

Ключевые слова: первобытный Китай, генезис государства, предпосылки возникновения государства, родовая община земледельцев и скотоводов, первобытная соседская община

Dmitriy A. Suroweń

GENESIS OF THE STATE'S FIRST AND SECOND STAGES IN PRIMITIVE CHINA (9TH – 3RD THOUSAND B.C.E.)

Abstract. Based on the comparison of the results of archaeological research with information from written sources, based on the general patterns of development of primitive society, an attempt is made to characterize the development of primitive Chinese society in Southern and Northern China at the first and second stages of the genesis of the state (the period of existence of the tribal community of farmers and pastoralists, and the primitive neighboring community).

Keywords: primitive China; genesis of the state; prerequisites for the emergence of the state; tribal community of farmers and pastoralists; primitive neighborhood community

Новейшие археологические исследования опровергли моноцентрическую концепцию возникновения ранней государственности в древнем Китае и показали, что на территории Китая не было единственного центра зарождения так называемой «китайской цивилизации», а со времени перехода к земледелию на территории Великой китайской равнины и за ее пределами в бассейнах Хуанхэ и Янцзы существовало шесть историко-культурных зон Восточной Азии [Деопик, Ульянов, 2012 а, с. 39; см. : ИК, с. 154–156; см. также: Деопик, Ульянов, 2012 б, с. 7–39], развивавшихся неравномерно [Деопик, Ульянов, 2012 а, с. 40, 41–42, 51–52, 53; Деопик, Ульянов, 2011, с. 15–21]. Как показывают результаты археологических исследований, в Китае период *генезиса государства* на юге и на севере страны (в среднем и нижнем течении рек Хуанхэ и Янцзы) начался не одновременно. Первоначально общество бассейна реки Янцзы и Юго-Восточной Азии опережало север [Шилюк, 1991, с. 204–205; Шилюк, 1997, с. 243]. Однако древнекитайские источники, рассказывая о формиро-

вании ранней государственности в Китае, сохранили нам в основном только сказания народа *хуася*, жившего в среднем течении Хуанхэ (в бассейнах рек Вэйхэ, Фэньхэ и верховий Ханьшуй [Деопик, Ульянов, 2012 а, с. 42, 51]). В связи с этим возникает необходимость проанализировать имеющиеся в распоряжении ученых материалы и выяснить в общих чертах, как шел процесс генезиса государства в древнем Китае на его первом и втором этапах.

Первый этап генезиса государства, начало которому положил переход к производящему хозяйству [Шилюк, 1991, с. 6; Шилюк, 1997, с. 5; см. : Васильев, 1995, с. 112–113], в Южном Китае у аустроазиатских и аустронезийских народов [см. : ИК, с. 158, 163], южных монголоидов [ИК, с. 181], начался раньше, чем в Северном Китае [см. : Шилюк, 1991, с. 204–205; Шилюк, 1997, с. 243; Деопик, Ульянов, 2012 б, с. 12–13; Деопик, Ульянов, 2012 а, с. 45]. В бассейне реки Янцзы переход к производящему хозяйству произошел в IX¹–VII тыс. до н.э.², когда возникло земледелие садово-огородного типа, а позднее появилось рисоводство с применением искусственного орошения [Кучера, с. 262, 296, 304, 315, 320; Лаптев, с. 16; Шилюк, 1991, с. 205; Шилюк, 1997, с. 243; Васильев, 1995, с. 113, 117].

Культура Хэмуду 河姆渡文化 возникла в первой половине V тыс. до н. э. в устье Янцзы, когда в низовьях Янцзы появилась южная разновидность риса (сяньдао). Культура Хэмуду положила начало длительному периоду бытования местных земледельческо-рыболовецких культур. Во второй пол. V – первой пол. IV тыс. до н. э. здесь ее сменила культура Цинляньган 青蓮崗文化, на месте которой во второй пол. IV – первой пол. III тыс. до н. э. возникла культура Лянчжу 良渚文化. Во внутреннем районе Южного Китая в второй пол. IV – первой пол. III тыс. до н. э. локализовались культуры Цюйцзялин 屈傢嶺文化 и Паомалин 跑馬岭文化, первая – на реке Ханьшуй и в левобережье Янцзы, а вторая южнее – на правом берегу Янцзы. Носители всех этих культур с самого начала разводили свиней и собак, занимались рисоводством, которое на первых порах имело, по-видимому, примитивный заливной (лиманый) характер, но со временем была введена подсечно-огневая система [ИПО, с. 302, 303].

Несколько особняком стоял Шаньдун, сначала архипелаг, а после исчезновения Древнего залива – полуостров. Его специфика состояла в том, что географически он располагался ближе к северу, но в этнокультурном отношении тяготел к югу [ИК, с. 153]. Именно поэтому он (особенно северные и западные области) развивался почти столь же интенсивно, как и район Нижнего Янцзы [Деопик, Ульянов, 2011, с. 19; см. также: Деопик, Ульянов, 2012 в, с. 205; Деопик, Ульянов, 2013, с. 15]. Переход к земледелию здесь произошел около 7000 г. до н. э. [ИК, с. 167].

Общество бассейна реки Хуанхэ (восточных монголоидов [ИК, с. 181] – предков хуася, восточных носителей сино-тибетских языков, постепенно продвигавшихся

¹ О датировке см. : [ИК, с. 161].

² В настоящее время после многих открытий на юге Китая и особенно после обнаружения остатков культурного риса в Юйчаньяне (пров. Хунань), ответ ясен: родиной культурного риса является Южный Китай, а процесс его domestikации происходил где-то в 16–12 тыс. до н. э., т. е. намного раньше, чем предполагалось еще в начале XX столетия, и не там, где его локализовали ранее. – См. : [Кучера, с. 352]. См. также: [ИПО, с. 254–255].

на восток [ИК, с. 159]) перешло к производящему хозяйству (прежде всего к земледелию) в VI тыс. до н. э. (в восточной части: культуры Цзяху-1 и Пэйлиган 裴李崗文化) [ИК, с. 176–177]; западнее: в V– начале IV тыс. до н. э. (археологическая культура Яншао 仰韶文化) [Шилюк, 1991, с. 205; Шилюк, 1997, с. 243; Васильев, 1995, с. 118, 120]. Благодаря работам китайских геологов и археологов, а также трудам гарвардского профессора Чжан Гуанчжи стало известно, что на территории бассейна реки Хуанхэ в IV–II тыс. до н. э. был древний залив (именуемый также проливом), потом гигантское болото, медленно заполняемое из Шаньдуна и древнего устья реки Хуанхэ. В результате в IV–II тыс. до н. э. шел процесс формирования огромного массива плодородных земель [Деопик, 2007, с. 111, 114, карты 1, 2, 3; см. : ИК, с. 153, 163, 198, 236]. Освоение Великой равнины происходило со стороны юго-западной части Шаньдуна и из двух древних очагов формирования народа хуася: к северу и югу от выхода Хуанхэ на Великую равнину (север и юг древнего Приморья) [Деопик, 2007, с. 111–112]. Единая культура Великой китайской равнины не могла сложиться здесь до конца первой четверти II тыс. до н. э. [Деопик, 2007, с. 111, 114].

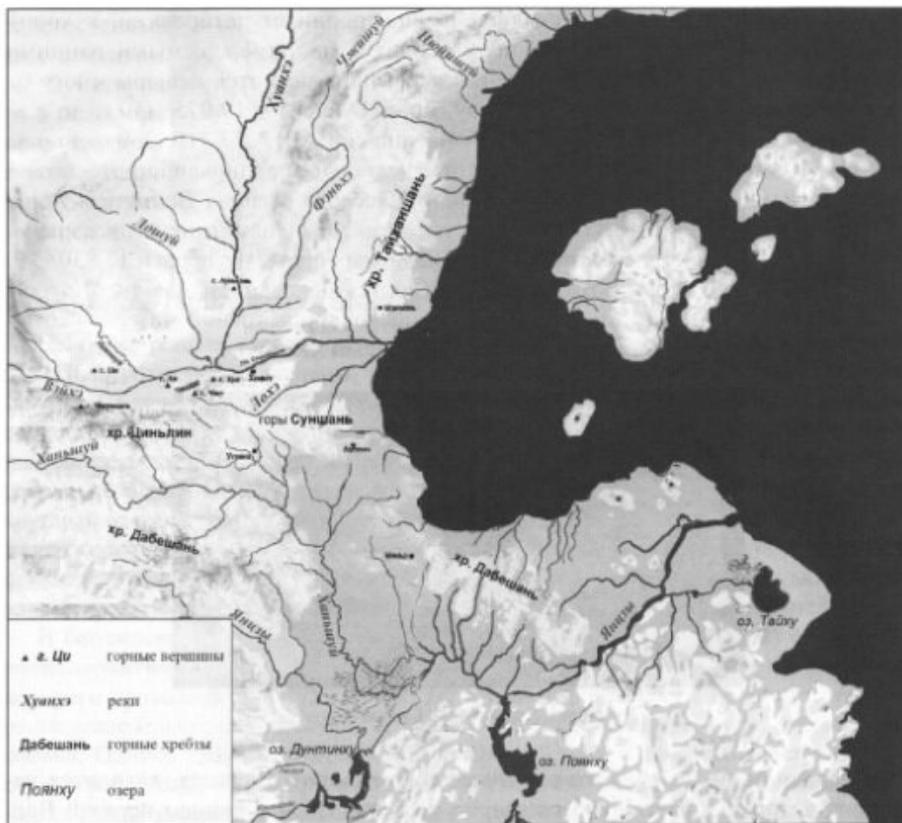

Рис. 1. Древний залив с островами архипелага Шаньдун, ранее 5 тыс. лет до н. э. (сейчас на месте пролива и островов – полуостров Шаньдун) [История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. I. С. 153, 163].

Данные археологии показывают, что на первом этапе генезиса государства в Китае существовали *родовые общины* земледельцев и скотоводов, изначально живших на юге Китая в больших пещерах [Кучера, с. 101, 102, 155] (洞穴類型 дунсюэ лэйсин – пещерного типа [места проживания] [Кучера, с. 304]), а позднее в небольших поселениях на равнинах (廣野類型 куанье лэйсин – равнинного типа [места проживания] [Кучера, с. 304; см.: ИК, с. 162]), каждое из нескольких десятков домов – сначала «больших домов» (длиной в несколько десятков метров) для группового проживания [см.: Кучера, с. 200–204; особенно: с. 202, 204], а еще позже – отдельных домов, рассчитанных на одну семью (в Баньпо в первом строительном горизонте – 22 дома, во втором – 24), всего – до ста строений в каждом горизонте [Васильев, 1995, с. 121, 121, п. 2]. Поселки этих рисоводов и рыболовов в Нижнем Янцзы занимали площадь от нескольких тысяч квадратных метров до нескольких гектаров. Памятник Пэнтюшань на Среднем Янцзы представляет собой обширное укрепленное поселение земледельцев-рисоводов площадью около 30 тыс. кв. м, окруженное земляным валом и рвом, которые охватывали городище с двух сторон. Внутри находилась крупная платформа, на которой располагались некие сооружения. Шесть сооружений раскопано, пять из них наземные, одно – полуземлянка округлой формы с очагом в северной части [История Китая, т. 1, с. 174]. Один из изученных в провинции Гуандун поселков достигал площади 3 га. Судя по некоторым данным, дома были наземными, прямоугольными, столбовой конструкции, с четырехскатной крышей. Носители культур Цюйцзялин и Паомалин жили в домах площадью от 30 до 70 кв. м, состоявших из 1–2 комнат. Впрочем, иногда здесь встречались и овальные дома размером 25 кв. м. [ИПО, с. 303].

В поселениях культуры Яншао в центральной части Китая, в бассейне реки Вэйхэ, исследователями отмечается высокая плотность неолитических поселков: на лёссовых террасах площадью 21 000 кв. км их обнаружено более 400. Поселки Яншао отличались крупными размерами, занимая в ранний период до 5–10 га (Баньпо). Планы поселков достаточно характерны: в центре располагалась открытая площадка, занятая иногда большим общественным зданием (в Баньпо его площадь достигала нескольких десятков кв. метров); вокруг нее концентрировались жилища, подсобные постройки и ямы-хранилища. За пределами поселка находились могильник и специальный гончарный квартал с печами для обжига. В Баньпо поселок отделялся от них глубоким рвом. Жилища культуры Яншао первоначально представляли собой полуземлянки, круглые или квадратные, со скругленными углами, небольшие по площади (15–20 кв. м). Они имели деревянный каркас, оплетенный прутьями или обшитый досками и обмазанный глиной с соломой [ИПО, с. 309–310].

Родовая община земледельцев и скотоводов обладает следующими признаками:

1) Основана на *производящем хозяйстве* [Шилюк, 1991, с. 6; Шилюк, 1997, с. 6; см.: Кучера, с. 101], земледелии [см.: Кучера, с. 115, 173–174, 351–352], скотоводстве [см.: Кучера, с. 88–90, 115, 174–175 (моллюсководство), 352–353], а также придомном и отчасти стойловом скотоводстве [ИК, с. 360]; со временем – на производстве материалов, ткачестве, изготовлении одежды, изготовлении керамики [см.: Кучера, с. 106–107, 113–114, 167–168, 173, 184–185, 188–191 и сл., 304, 312, 310–311, 314–315, 319, 330, 334, 335, 337, 338, 339, 344, 348, 353, 354–355; Лаптев, с. 16–17]

(появляется в IX – первой пол. VIII тыс. до н. э. на юге Китая [Кучера, с. 114, 145, 150–151]), на строительстве домов [см. : Кучера, с. 353], выплавке металлов и т. д. Все это расширяло производственные возможности человека и создавало основу для роста производительности труда [см. : Шилюк, 1991, с. 6–7; Шилюк, 1997, с. 7].

2) Возможность прокормить большее количество людей [ИПО, с. 267] позволила объединяться в коллективы большего размера. Численность *родовой общины* земледельцев и скотоводов постепенно росла [ИПО, с. 267], достигая в среднем несколько сотен человек [см., например: ИПО, т. II, с. 310]. Как следствие – увеличивается плотность населения [см. : Шилюк, 1991, с. 7; Шилюк, 1997, с. 7].

3) В *родовой общине* земледельцев и скотоводов сохраняется кровное родство. Кровное родство было признаком принадлежности человека к общине.

4) Общине принадлежали пахотные и пастбищные земли. В родовой общине большие, совместно обрабатываемые поля были единственными полями родовой общины, и на них работали все члены коллектива [Васильев, 1961, с. 30]. Права родовой общины на землю определяются учеными как **прямая коллективная собственность**: ни один общинник не имел отдельных прав ни на часть земель, ни на часть произведенного продукта [см. : Шилюк, 1991, с. 7; Шилюк, 1997, с. 8]. Всю землю общины обрабатывали сообща совместными усилиями по причине простоты первых земледельческих орудий труда [Васильев, 1961, с. 30], поэтому нужна была кооперация труда большого количества людей. При коллективных формах труда индивидуальный вклад каждого человека выделить было невозможно.

5) В такой ситуации каждый общинник получал **равную долю** в зависимости от *половозрастного разряда*. Поскольку существовала *прямая коллективная собственность*, то оставались *коллективные* формы распределения и потребления полученного продукта. Следовательно, сохранялось *эгалитарное* общество (общество **равенства**) [Шилюк, 1991, с. 8; Шилюк, 1997, с. 8].

6) Изначально существовало совместное проживание [Кучера, с. 101, 102, 155, 200–204]. Потребление произведенного продукта оставалось совместным и в конце периода *родовой общины* (как обнаружили исследователи в Баньпо [см. : Васильев, 1995, с. 121]; Баньпо-1, 4100–3500 гг. до н. э. [ИК, с. 215]), когда появляются отдельные дома *больших семей* (два–три поколения родственников).

Исследователи обратили внимание на то, как в «Люй-ши чунь-цю» описаны эти древние времена, где отражены особенности общества периода неолита [Кучера, с. 240]: «Когда-то, в глубокой древности, (когда еще [см.: Люйши чуньцю, 2001, с. 333] – С. Д.) [у людей] не было правителей. Тогдашние люди жили группами и селились скученно; [они] знали матерей и не знали отцов (дети, рожденные от парования при дуально-родовой организации, оставались в коллективе матери, отец же принадлежал к другому хозяйственному коллективу [См. : ИПО, т. II, с. 112, 121–122] – С. Д.), [у них] не было различия [между] близкими и дальними родственниками (родственниками по отцовской и материнской линиям [Люйши чуньцю, 2001, с. 333] – С. Д.), старшими и младшими братьями, мужем и женой (не было терминологии описательной системы родства [См. : ИПО, т. II, с. 104–105; Семёнов, с. 24] – С. Д.), мужчиной и женщиной; не было [различного] пути для верхов и низов, для взрослых и детей (нравственного закона старших и младших [Люйши чуньцю,

2001, с. 333] – С. Д.)... не было удобств [от] одежды и украшений, обуви и поясов, дворцов и домов, запасов и накоплений; не было обилия предметов и инструментов, лодок и повозок, внутренних и внешних городских стен, укреплений и застав (рвов и валов [Там же] – С. Д.)» (Льюйши чуньцю, кн. 20-я, гл. 1-я) [Цит. по: Кучера, с. 240]; ср. : Льюйши чуньцю, 2001, с. 333]. Мы видим описание общества без государственной власти, где люди жили общинами в виде сельских поселений (когда еще не было городов), существовал дуально-родовой брак с классификационной системой родства, было общество имущественного и социального равенства, без накопления богатств.

Таким образом, на первом этапе генезиса государства сохранялись *коллективная форма собственности* (в виде *прямой коллективной собственности*), *коллективные* формы труда, *коллективные* формы распределения и потребления полученного продукта. Мы видим, что, хотя изменился **тип хозяйства (с присваивающего на производящее)**, увеличилась **численность** человеческого коллектива и возросла **плотность** населения, производственные отношения, приспособленные к ограниченной численности коллектива, остались старые: совместное проживание, коллективное потребление всего произведенного продукта. Принципы организации власти также не изменились. *Вождем* общины (на основе принципа *меритократии* – «власти по заслугам», т. е. трудового авторитета) становился самый умелый и знающий человек, который обладал наибольшим уважением. Здесь мы видим такое же общество *равенства*, как и у охотников, собирателей и рыболовов, основанное на прежних нормах поведения и прежних принципах организации власти [см. : Шилюк, 1991, с. 8; Шилюк, 1997, с. 8].

Почему же при переходе к *производящей экономике* начинается *генезис государства*? Во-первых, мы видим, что усложнилась система хозяйствования, теперь земледельцам необходимо было осуществлять весь производственный цикл сельскохозяйственных работ. Во-вторых, увеличился и усложнился человеческий коллектив, насчитывавший теперь несколько сотен человек. Все это ведет к **усложнению функций управления**, а это, в свою очередь, влечет за собой **усложнение системы управления**. В данный период складывается три основных органа управления общины: 1) глава общины (*вождь*); 2) совет общины; 3) народное собрание. Кроме того, существовали также различные должностные лица общины.

1) Глава общины (*вождь*). Первоначально должность вождя была временной – это была **выборная** должность *военного предводителя*, который возглавлял *общинное ополчение* в период военных столкновений. *Вождем* слагал с себя полномочия, когда война заканчивалась. С течением времени из-за роста населения количество военных столкновений (прежде всего, из-за земли) увеличилось. Должность *вождя* становится постоянной, но не пожизненной. Обычно вождь занимал должность, пока физически мог выполнять свои функции – когда вождь старел, выбирали нового вождя.

Поскольку должность вождя становится постоянной, то, помимо *военной* функции, он начинает выполнять *административные* (вождь управляет делами общины), *судебные* (он разбирает споры общинников) и *религиозные* функции (вождь становится *верховным жрецом* общинных культов). Это означает, что начинается процесс **концентрации различных функций управления** в руках *вождя*.

2) Совет общины. Первоначально *совет* общины возникает как *совет старейшин*. *Старейшина* – это старший мужчина рода. Поэтому *совет старейшин* – это не совет стариков, а **совет глав родов**, которые входили в общину³. *Совет общины* – это коллегиальный совещательный орган при *вожде*, который вместе с *вождем* занимается решением текущих дел. Кроме того, члены *совета* выполняли *административные, жреческие* (*старейшины* были *жрецами* родовых культов, проводили религиозные обряды в своем роду), *судебные* (*совет общины* выполнял функции *коллегиального судебного органа*; а каждый *старейшина* также разбирал споры членов своего рода) и *военные функции* (когда начиналась война, то глава рода – *старейшина* командовал отрядом ополченцев из своего рода).

3) Народное собрание – собрание взрослых общинников, которое собиралось для решения самых важных дел, касающихся интересов всей общины: избрание *вождя*, вопросы войны и мира и т. д. *Народное собрание* не могло быть постоянно действующим органом управления – иначе в поле некому было бы работать. В «Шан шу» есть эпизод, где *вождь*, собирая общинников (衆庶 *чжунши*) «массы, [простой] народ», также 有衆 *ю чжун* «народ владения», или просто 衆 *чжун* «народ» [БКРС, т. III, с. 831; *Шан шу*, с. 146, п. 5]), просит прощения за то, что отвлекает их от сельскохозяйственных работ, собирая на народное собрание (Шан шу, гл. 10–5) [*Шан шу*, с. 146].

Кроме того, в общине существовали различные должностные лица.

Таким образом, усложнение системы хозяйствования и усложнение взаимоотношений внутри человеческого коллектива в *родовой общине* земледельцев и скотоводов повлекли за собой усложнение функций управления, что привело к **необходимости в отделении функции управления от производительных функций**, а это – **главная предпосылка возникновения государства** [см. : Шилюк, 1991, с. 5; Шилюк, 1997, с. 5]. Именно поэтому, хотя до появления классов у предков *китайцев* должно было пройти еще три с половиной тысячелетия⁴, с переходом к *производящей экономике* **начался** процесс *генезиса государства*.

Необходимо отметить, что на этапе *родовой общины* земледельцев и скотоводов процесс отделения функций управления от производительных функций только начинается⁵. Завершится отделение функций управления от производительных функций только на этапе *соседской общины*.

Второй этап генезиса государства (связанный с переходом к *соседской общине* и появлением *индивидуальных хозяйств* [см. : Шилюк, 1991, с. 6, 7; Шилюк, 1997, с. 5]) начнется раньше – в регионе нижнего течения реки Янцзы (видимо, в V–IV тыс. до н. э.); и позже – в среднем течении реки Хуанхэ (в первой пол. IV–III тыс. до н. э.; где он, видимо, приходился, в том числе, и на период так называемых «пяти

³ Не следует путать совет старейшин с возникшим в более позднее время (на 3-м этапе генезиса государства) советом знати (сама общинная знать появится только на 3-м этапе генезиса государства). Отличие в том, что в совете знати, хотя и могут быть главы родов, которые, в свою очередь, могут быть и старыми, но в совет знати входит только знать.

⁴ Классы начнут формироваться только на третьем этапе генезиса государства.

⁵ Таким образом, у должностных лиц общины все больше времени уходило на управление и все меньше оставалось на производительный труд.

первопредков» [кит. dù]⁶, XXVII–XXII вв. до н. э. [см. : Вяткин, с. 97], совпадающий с поздним периодом культуры Яншао (или периода «яншаноидных культур» яншаоского ареала [см. : ИК, с. 215]). Таким образом, у предков южнокитайских и северокитайских народов (в разное время) произошел переход к *соседской общине*. Об этом говорит появление графических знаков – т. н. знаков собственности владельцев («тамги») [ИК, с. 251], наносимых на донья керамических сосудов (чаш) [см. : ИК, с. 184–185, 221, 223, 224–227, 233–235], на кувшинах и других предметах [ИК, с. 202–203, 204, 242, 251]. Такие знаки становятся необходимыми при появлении индивидуальных хозяйств для маркировки имущества большой семьи. Кроме того, в селении Хэмуду обнаружен сохранившийся деревянный забор [ИК, с. 185], который также мог обозначать границы земель индивидуального хозяйства.

«Тамги» памятника Цзянчжай

[История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. I. С. 252]

В Баньпо (Баньпо-1, 4100–3500 гг. до н. э. [см. : ИК, с. 246]) обнаружено 27 «тамг» на сосудах, в Цзянчжай – 41 «тамга» [см. : ИК, с. 251, 252]. При этом в основу нескольких знаков положен один общий элемент. Так, например, в основе четырех знаков использован общий элемент . Остальные знаки – , , – являются его более сложными модификациями, т. е. имеют добавленные к нему элементы. Такое явление присуще для тамг разных семей или поколений внутри одного рода. Общий знак в таком случае означал бы один род, а знаки с модификациями – различные семьи внутри него. Важно отметить и здесь то, что все они процарапаны после обжига на чашах с черной полосой (поверх этой полосы); их не бывает на чашах с сакральными символами и «семантически

⁶ 帝 кит. dù – *суц.* 1) император... монарх... 3) ...верховный владыка... 4) обожествленная душа предка... [БКРС, т. III, с. 307]. Слово 帝 di зафиксировано на иньских костях [Сыма Цянь, с. 287, п. 35]. О термине di см. : [Сыма Цянь, с. 222, п. 3]. Комментаторы текста истолковывают термин 帝 di для того периода как «главный вождь» [Сыма Цянь, с. 235, п. 65]; di 帝 “the ancestral lord” (наследственный владыка, владыка–родоначальник) [Nu He, p. 8].

значимыми орнаментами». Нет таких знаков и с внутренней стороны на доньях этих чаш. Кроме того, существуют разные написания одних и тех же знаков. Все это свидетельствует о том, что здесь присутствует отдельная знаковая система [см. : ИК, с. 251–252].

Поселки позднего Яншао отличались очень крупными размерами, занимая в поздний период более 20 га (Мяодигоу-1, 3300–2800 гг. до н. э. [ИК, с. 215; см. также: с. 279]). Планы поселков оставались прежними: в центре располагалась открытая площадка, занятая иногда большим общественным зданием (в нескольких десятках кв. метров); вокруг нее располагались жилища, подсобные постройки и ямы-хранилища. За пределами поселка находились могильник и специальный гончарный квартал с печами для обжига. Поселок обносился глубоким рвом. Со временем с ростом населения площадь жилищ росла (до 30–40 кв. м), квадратные жилища вытягивались и превращались в прямоугольные, постепенно совершался переход к наземным конструкциям [см. : ИПО, с. 310]. На Бяньпо обнаружено 46 жилищ, на Цзянчжае – около 100 (очагов – около 200). Большинство построек – полуземлянки, наземных сооружений значительно меньше. Строения имели разный размер и разную форму: квадратную, прямоугольную и округлую. При линейной планировке поселения вход был ориентирован, как правило, на юг [ИК, с. 247]. Предполагается, что в поселке Бяньпо на 500–600 человек до 200 жилищ [см. : ИПО, с. 310; ИК, с. 247].

В центре селения Бяньпо, общая площадь которого составляла около 5 тыс. кв. м, находилась площадь, поселение было окружено тремя кольцами валов, помимо них обнаружены три окружающие поселение искусственных канала: один большой (глубиной 5–6 м) и два маленьких. На памятнике Цзянчжай (общая площадь около 4 тыс. кв. м) тоже есть три кольца рвов, а в центре, как и в Бяньпо, находилась площадь. Лицевые части построек обращены к ней, отсюда и различная ориентация входов [ИК, с. 247]. Оборонительные валы создавались и на западе региона Средней Хуанхэ. В IV тыс. до н. э. в период Даси на Средней Янцзы начинается строительство крепостных стен [ИК, с. 254].

С ростом населения носители культуры Яншао расселились на запад, в верховья Хуанхэ (культура Яншао в Ганьсу, потом – Мацзяяо), на восток, вниз по Хуанхэ (культура Хоуган), на юг, в долину реки Ханьнуй, где они предшествовали культуре Цюйцзялинь. Повсюду они встречались с местным населением и смешивались с ним, что вело к появлению новых оригинальных культур [ИПО, с. 310; ИК, с. 247].

Появляется новый тип общины – первобытная *соседская община*, которая характеризуется: 1) по-прежнему основана на *производящей экономике* (земледелии и скотоводстве), общество базируется на *производящем хозяйстве*; 2) увеличивается численность коллектива [см. : ИПО, с. 310; ИК, с. 215, 254]: соседская община начинается с численности в несколько сотен человек, и в дальнейшем ее коллектив вырастает до 1000 и более человек. Как следствие – увеличивается плотность населения [см. : ИК, с. 213, 215, 254].

В *соседской общине* сохраняется кровное родство, но теперь оно теряет социально-экономическое значение (кровное родство теперь не означало принад-

лежность человека к общине и не позволяло просто так получать долю продукта). *Соседская община* теперь делила землю на наделы – и каждый общинник получал свою часть земли. Теперь, когда единый хозяйственный коллектив распался, каждая его часть (большая семья) обрабатывала собственное поле [Васильев, 1961, с. 30]. Единственным признаком вхождения человека в общину теперь становится **обладание земельным наделом** в общинном фонде земель [см. : Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 9]⁷.

3) Права соседской общины на землю можно охарактеризовать как **верховную коллективную собственность**⁸. Таким образом, в первобытной *соседской общине* при *верховной коллективной собственности* существуют отдельные права общинников на часть земель и часть произведенного продукта [см. : Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 9–10].

Землю большим семьям общинников давали по количеству едоков в семье (т. е. все находились в равных условиях). И теперь каждый общинник получал продукты со своего надела – все, что он произвел своим трудом на своей земле. Возникает вопрос: как же можно охарактеризовать права этих *индивидуальных хозяйств* (больших семей) на землю? С юридической точки зрения – это *владение* землей. С социально-экономической – право хозяйств больших семей на производимый на своем наделе продукт определяется как *трудовая собственность*, которую не следует путать с *частной собственностью* [Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 9–10].

Таким образом, возникает **новая форма собственности** – *трудовая собственность*, которая означала – собственность на все, что связано с личным трудом: пока общинник работает на этой земле, он имеет право на эту землю и на все, что он производит своим трудом на этом наделе – это его имущество. Однако, например, если часть членов семьи погибала на войне – и часть земли забрасывалась из-за нехватки работников и за отсутствием необходимости обрабатывать такое количество земли (людей в семье стало меньше), то *соседская община* (как *верховный коллективный собственник*) изымала эту пустующую землю и отдавала другому *индивидуальному хозяйству*, в котором подросли дети и существовала потребность в расширении земельного надела, чтобы прокормить большее количество человек в семье, и которая могла обработать землю своим трудом [см. : Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 9–10].

В итоге произошел переход от *коллективного к индивидуальному хозяйству*. Распределение земли (проведение переделов) – означает, что произошли **качественные изменения** – превращение индивидуального хозяйства в *экономическую*

⁷ Если общинник совершал какой-нибудь тяжкий проступок, его могли изгнать из общины (он становился «изгоем»). Хотя у изгоя в общине оставались родственники, он теперь не считался членом общины и лишался земли. И наоборот: если в общину принимали человека, который родственником не был, но ему давался надел, то он становился членом общины. Кровное родство утратило прежнее социально-экономическое значение по сравнению с отношением к нему в родовой общине.

⁸ Права всей общины стоят над правами каждого отдельного хозяйства (*индивидуального хозяйства*). Община – это весь *коллектив* общинников. Когда общинники собираются на народные собрания, то теперь они должны были учитывать интересы не только всей общины, но и интересы каждого *индивидуального хозяйства*.

ячейку общества, которая владела и средствами производства, и обладала своей рабочей силой – и *индивидуальное хозяйство* само осуществляло весь цикл работ [см. : Шилюк, 1991, с. 8–9; Шилюк, 1997, с. 9].

4) В результате раздела земли изменились принципы распределения и потребления – возникли *индивидуальные формы* распределения и потребления полученного продукта [Шилюк, 1991, с. 8–9; Шилюк, 1997, с. 9].

5) Отражением существования *индивидуальных хозяйств* было раздельное проживание [Шилюк, 1991, с. 8–9; Шилюк, 1997, с. 9].

Возникает вопрос: почему община сохраняется даже после раздела земли? Причина в том, что для первоначального присвоения земли (расчистка, осушение болот, вырубка леса, строительство *ирригации* и т. д.), а также ее защиты по-прежнему требовались *коллективных* усилий всей общины [см. : Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 10].

Сохранение общины проявлялось в тех функциях, которые она выполняла: 1) *соседская* община как *верховный* коллективный собственник проводила *передель* земли (семьи наделяются по количеству едоков) [Шилюк, 1991, с. 10; Шилюк, 1997, с. 10]; 2) производила перераспределение произведенного продукта⁹; 3) не допускала к земле того, кто не входил в общину: вне общинного коллектива право *владения* землей получить было **невозможно** [см. : Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 10]. Если человек входит в общинный коллектив – он имеет землю; или если его приняли в общину – он получает землю. Но если человека изгнали из общины, то землю заберут, фактически, обрекая его на смерть.

С переходом к соседской общине, со второго этапа генезиса государства, начинается период так называемой **социальной революции** [см. : Шилюк, 1991, с. 6; Шилюк, 1997, с. 5] – это период глубоких социально-экономических преобразований, итогом которых, в конце концов, стало появление частной собственности, классов и государства.

Почему этот процесс начинается именно со второго этапа генезиса государства? Причина проста: с переходом к *соседской общине* **начинает разрушаться эгалитарное общество** (т. е. **общество равенства**), т. к. именно в этот период начинает появляться *имущественное неравенство* (*имущественная дифференциация*)¹⁰. О начавшемся расслоении общества свидетельствуют изменения в погребальных обрядах периода 4500–3500 гг. до н. э. [ИК, с. 215, 242, 243]. Структура исследованных кладбищ неолитического Китая данного периода указывает на достаточно равноправное положение членов поселковых семейно-хозяйственных групп. В то же время исследователи отмечают, что количество сопроводительного погребального инвентаря в одиночных и коллективных захоронениях далеко не равномерно, т. е. уже проявлялись различия в имущественном статусе сороди-

⁹ Например, наступает праздник: община дает поручение нескольким семьям организовать этот праздник. Эти семьи тратят часть своего продукта на его проведение, и, таким способом, происходит перераспределение полученного продукта.

¹⁰ Следует отличать *имущественное неравенство* (*имущественную дифференциацию*) от *социального неравенства* (*социальной дифференциации*): при *имущественном неравенстве* социальный статус (положение) – одинаковый, но различается количество имущества.

чей [см. : ИК, с. 359–360]. Причина появления имущественного неравенства заключается в том, что **переход к индивидуальному хозяйству** создает основу для *имущественной дифференциации*. Так как в *соседской общине* землю поделили, появились *индивидуальные хозяйства*, то каждая *большая семья* получала доход только со своего *надела*. А урожай у отдельных семей мог быть разным. Причины таковы: (1) люди имеют разные знания и способности; (2) разный численный и половой состав работников семьи; (3) разное плодородие земельных участков.

Появление *имущественного неравенства* создавало в *соседской общине* проблемы, влекло за собой конфликты. Такая ситуация была опасна для коллектива. Поэтому *соседская община* пыталась сглаживать это *имущественное неравенство* (при проведении пределов учитывалось плодородие земли; производилось перераспределение произведенного продукта). Эти меры только сдерживали *имущественную дифференциацию*, но остановить ее не могли [см. : Шилюк, 1991, с. 10–11; Шилюк, 1997, с. 10–11].

Сохранение общинной организации (на этапе *соседской общины*), означало и сохранение общих (общеобщинных) потребностей, которые могли быть удовлетворены только коллективными усилиями [см. : Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 10]: 1) первоначальное присвоение земли (строительство системы мелиорации в северных районах и *ирригации* – системы искусственного водоснабжения и орошения в южных районах [см. : ИК, с. 182, 268], что нашло отражение в сказаниях о деяниях Гуня и Юя¹¹); 2) организация межрегионального обмена [см. : ИПО, с. 340–341]; 3) содержание и развитие ремесленного производства¹²; 4) культовая потребность (жертвоприношения) [см. : ИПО, с. 423]. Таким образом, общинникам были нужны каналы для водоснабжения, плотины, дамбы, изделия ремесла, плодородие земель и плодовитость скота. Для обеспечения всего этого должны быть средства, а в *соседской общине* общинники вели самостоятельные хозяйства. Согласно принципу *трудовой собственности*, все, что семья произвела, – принадлежало данной семье. Откуда взять средства на эти общеобщинные потребности?

Создавался общий (общеобщинный) фонд – так называемый **коллективный фонд**, из которого средства будут тратиться на общие нужды [Шилюк, 1991, с. 9; Шилюк, 1997, с. 10]. Исторически в древнекитайском обществе сложился такой вид *коллективного фонда* как «священное поле бога». Данный вид *коллективного фонда* характерен для обществ, где нужна была система мелиорации и ирригации.

¹¹ См. : [Сыма Цянь, с. 138, 145, 147]; см. : [Кучера, с. 317–318]. Юя обычно именуют «сяским» по названию местности, которой он управлял. В комментарии *Чжэнь* и написано: «Ся – [это] название владения (гб), пожалованного в управление правителю-первопредку (т. е. *верховному вождю* – С. Д.) Юю» [正義: 夏者, 帝禹封國號也。] [Ши-цзи, 1959, с. 49, п. 1]. По данным средневековых сочинений (например, «Ди ван ши цзи»), местность Ся находилась в области Юйчжоу, т. е. в пределах современной провинции Хэнань [Сыма Цянь, с. 253, п. 2], что соответствовало тогда местности Янди на южной окраине области Юйчжоу пров. Хэнань (帝王紀云: 禹受封爲夏伯、在豫州外方之南、今河南陽翟是也。) «Ди ван цзи говорит: Юй получил земли в управление, став Ся-бó (гегемоном среди князей) [из местности] Ся, [которая] находилась на юг от окраинных земель (досл. ‘отдаленной местности’) области Юйчжоу. Ныне – это [местность] Янди [провинции] Хэнань» – Цит. по: [Ши-цзи, 1959, с. 49, п. 1]; где 外方 кит. *vây-fân* – ...2) отдаленные местности [БКРС, т. II, с. 715].

¹² Об этом свидетельствует появление в общинах специальных гончарных кварталов с печами для обжига. – См. : [ИПО, с. 310].

Поскольку существовала мелиорация и ирригация, то общинники продолжали работать все вместе на строительстве мелиорационных и ирригационных сооружений. В этом случае община выделяла часть земли («священное поле бога»), где общинники совместно обрабатывали землю (как это ранее было в *родовой общине*). Урожай с этого священного поля хранили в коллективных амбарах (строившихся при хозяйстве *вождя*) и тратили на общие нужды. Работу на «священном поле» организовывал *вождь*, и он же руководил работниками «священного поля» [см. : Васильев, 1961, с. 30]. Но *вождь* права собственности на землю и имущество *коллективного фонда* не имел. *Соседская община* являлась *прямым* собственником *коллективного фонда* (хотя по отношению к земле *индивидуальных хозяйств первобытная соседская община* уже выступала как *верховный коллективный* собственник). Позднее в Китае такая система землепользования в идеализированной форме получила название *цзин тянь* – «колодезная [система] полей»¹³.

По археологическим материалам известно, что с переходом к *соседской* общине в первобытном обществе начинают строить большие амбары и хранилища¹⁴, которые были настолько велики, что не могли быть хранилищами отдельной семьи – там хранилось имущество всей общины. *Вождь* как глава общины становится руководителем хранилищ *коллективного фонда*. Собственником имущества *коллективного фонда* общинники считали главного бога – покровителя данной общины. Фактически *прямым коллективным* собственником выступала вся община целиком. *Вождь* был лицом, только управляющим этим имуществом.

Таким образом, по сравнению с *родовой общиной*, в *соседской* – еще более усложнилась система хозяйствования, продолжает расти коллектив (с нескольких сотен человек до 1000 и более человек), усложняются отношения внутри него. Усложнение системы хозяйствования, а также увеличение коллектива ведет к дальнейшему усложнению функций управления [см. : ИК, с. 213, 254] (регулирование распределения *основного средства производства* – земли; решение [урегулирование] конфликтов и споров между отдельными хозяйствами, входящими в общину; обеспечение производственного процесса и регулирование потребления) [Шилюк, 1991, с. 10; Шилюк, 1997, с. 10]. Вожди (*кит. ди* – «первопредки–

¹³ 井田 кит. цзйн т'янь' – «колодезная [система] полей» – девятипольное межевание земли (*в форме иероглифа* 井 «колодец»), «колодезная» система (землепользования) [БКРС, т. II, с. 981]. Древнекитайские источники дают противоречивое описание системы цзин тянь. По мнению кит. философа Мэн-цзы (ок. 372–289 гг. до н. э.), суть ее заключалась в том, что квадратное поле размером в 900 му (1 му = 0,16 га) делилось на 9 равных участков, из которых центральный участок (гун тянь 公田 «общественное поле») обрабатывался совместно 8-ю семьями и продукты производства с этого поля передавались на общие нужды (что стало прообразом будущей системы налогообложения). Остальные 8 участков по 100 му распределялись поровну среди 8 семейств и обрабатывались каждой семьей для себя. Эти поля назывались сы тянь 私田, т. е. «личные поля» (*восемь наделов вокруг общественного, сообща обрабатываемого поля, по «колодезной» системе землепользования* 井田). В идеальном виде, как она описана в трудах Мэн-цзы и в др. источниках, цзин тянь, по-видимому, не существовала, но она отражала реальные отношения в древнем Китае – общинное землепользование на той стадии его развития, когда наряду с сохранившимся общим полем появились уже семейные наделы. См. : [Васильев, 1961, с. 24, 25–38]; устаревшей работой по данной теме является монография: [Кокин, Папаян, с. 3–184].

¹⁴ См. : [ИК, с. 206; 285]: (строение на опорных столбах площадью 150 кв. м памятника Дадивань-2, 3400–2900 гг. до н. э.).

правители»¹⁵) избирались (наследования власти не было) в *совете старейшин* (совещательном органе при *вожде*) [см. : Сыма Цянь, с. 134; Вяткин, с. 100] из любого рода исходя из принципа *меритократии* (самые мудрые, умелые, знающие люди). Так же действовало *народное собрание*, существовали должностные лица общины [см. : Сыма Цянь, с. 134].

Должностные лица общины (*вождь, жрецы, старейшины*) прежде всего должны были обеспечить успешное функционирование производства – их организаторский труд был важной частью производственного процесса. Выборный *вождь* должен был обеспечивать защиту общины и организацию межрегионального обмена. *Жрецы* – обеспечение покровительства богов и, как следствие – плодородия земли и плодовитости скота. Кроме того, *жрецы* и *старейшины* (старшие в роду) являлись хранителями накопленного производственного опыта и знаний. Все это повышало роль и значение *организационных функций, функций управления* и объективно вызывало необходимость обособления (отделения) их от физического труда. Теперь каждое должностное лицо занималось управлением [см. : Шилюк, 1991, с. 10; Шилюк, 1997, с. 10–11], а чтобы они могли обеспечить нормальное выполнение функции управления, им выдавалась часть доходов *коллективного фонда* – на прокорм, для содержания [см. : Шилюк, 1991, с. 11; Шилюк, 1997, с. 12].

Некоторые исследователи пытаются говорить, что в это время появилась *эксплуатация* общинников со стороны вождя и других должностных лиц, однако эти утверждения **неверны**. В данном случае действовал так называемый *престижный фактор*, который заставляет общину расходовать часть средств *коллективного фонда* для удовлетворения *престижных потребностей*: внешний вид *вождя*, убранство его жилища выделяли его среди других общинников (с конца периода культуры Яншао и в период культуры Луншань [см. : ИПО, с. 311]), но это не было показателем наличия *эксплуатации* – трата средств на *престиж* общины производится для нужд общинного коллектива и под его контролем. Эксплуатация связана с другими отношениями [см. : Шилюк, 1991, с. 11; Шилюк, 1997, с. 12].

Как же появилась *эксплуатация*? Создание *коллективного фонда* привело к концентрации *средств производства*. Однако на протяжении существования *соседской общины* численность общинников увеличивалась, увеличивались и усложнялись их потребности. Это приводит к тому, что на определенном этапе рост *коллективного фонда* начинает опережать прирост населения в общине, приводит к нехватке в *коллективном фонде рабочей силы*. Однако *индивидуальное хозяйство* ограничено естественным приростом численности людей в семье (землю дают по количеству едоков). Без ущерба для *индивидуального хозяйства* в общине стало негде взять людей. Нехватка людей в *коллективном фонде* стала тормозить развитие *производительных сил* [см. : Шилюк, 1991, с. 12; Шилюк, 1997, с. 13].

Где взять дополнительные рабочие руки? И эта проблема везде в первобытном обществе была решена одинаково – использовать в *коллективном хозяйстве* лиц, не связанных с общинным коллективом [см. : Шилюк, 1991, с. 12; Шилюк,

¹⁵ 帝 кит. *dì* – *суц.* ...3) ...верховный владыка... [БКРС, т. III, с. 307]; см. : [Сыма Цянь, с. 287, п. 35; с. 222, п. 3]; 帝 *di* в тот период «главный вождь» [Сыма Цянь, с. 235, п. 65]; *di* 帝 “the ancestral lord” (наследственный владыка, владыка-родоначальник) [Nu He, p. 8].

1997, с. 13]: 1) захват пленников и обращение их в *рабов*; 2) использование труда так называемых *чужаков*. Новые работники *коллективного фонда* – чужаки и рабы **не являлись общинниками**. А, значит, **прав на землю не имели** и работали **на чужой собственности**. Часть произведенного ими продукта изымалась **собственником земли – общиной**. Получалось, что чужаки и рабы производили уже **не избыточный продукт, а прибавочный продукт**, который связан с отношениями **эксплуатации**. Формирование из людей, лишенных свободного доступа к земле общины (*чужаков и рабов*), слоя эксплуатируемых производителей вело к началу развития *классовой дифференциации* общества. А, значит, *первобытное* общество подошло к **третьему этапу генезиса государства** [см. : Шилюк, 1991, с. 11–12; Шилюк, 1997, с. 13].

Исследователи отмечают, что рисоводческие общества субтропической зоны Нижней и Средней Янцзы с их большей плотностью населения в центрах аграрных очагов быстрее достигали сравнительно сложных уровней социального развития и более устойчиво сохраняли на протяжении длительного времени высокие темпы такого развития [см. : Суровень, 2015, с. 214–222]. В обществах просоводов умеренного пояса Среднего Хуанхэ соответствующие процессы шли медленнее. Очаги интенсивного развития в тот период на Средней Хуанхэ немногочисленны [ИК, с. 255].

Таким образом, китайское общество в южном Китае в IV тыс до н. э. [см. : Лаптев, с. 34, 35; ИК, с. 262, 264, 270], а в северном Китае в начале III тыс. до н. э. подошло к последнему (третьему) этапу генезиса государства [см. : ИК, с. 254, 301] – периоду классообразования¹⁶ и политогенеза, связанного с процессом синойкизма¹⁷.

Список литературы

БКРС – Большой китайско-русский словарь. М. : Наука, 1983–1984. Т. I–IV.

Васильев Л. С. Древний Китай: в 3-х тт. М. : Вост. лит., 1995. Т. 1. 379 с.

Васильев Л. С. Проблема цзин тянь // Китай. Япония. История и филология. М. : Изд. вост. лит., 1961. С. 24–39.

Вяткин Р. В. «Основные записи» как исторический источник // Сыма Цянь. Исторические записки (Ши-цзи): в 9-ти тт. М. : Наука, 2001. Т. 1. С. 66–129.

Деоник Д. В., Ульянов М. Ю. Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты. Ч. 2 // Вопросы эпиграфики. Вып. 6. М., 2012 в. С. 205–249.

Деоник Д. В. Некоторые важнейшие процессы формирования государственности в Восточной

¹⁶ На памятнике Ванвань-1 (3400–2900 гг. до н. э.) в среднем течении реки Лохэ (на востоке региона Средней Хуанхэ) обнаружено погребение человека высокого социального статуса, поскольку в нем найдены искусно сделанные предметы, в том числе три украшения из бирюзы: крупная подтреугольная подвеска, маленькая квадратная подвеска и подвеска в форме клыка [ИК, с. 272]. На памятнике культуры Давэнькоу-2 (3500–2600 гг. до н. э.) Хуагин (в южной части Шаньдуна) среди 62 захоронений обнаружены два самых крупных погребения лиц высокого статуса. В обоих погребениях много изделий из нефрита (указывающих на их высокий статус). В одном из этих погребений в ногах были подзахоронены два человека, там же находится скелет собаки, а в специальном расширении в ногах – многочисленные черепа свиней. В другом погребении, также в ногах, подзахоронены два человека, а в разных местах погребения помещены нижние челюсти свиней [ИК, с. 274–275].

¹⁷ О процессах развития китайского общества на третьем этапе генезиса государства см. : [Суровень, 2018, с. 244–256; Суровень, 2022 а. С. 58–78; Суровень, 2022 б, с. 456–722].

и Юго-Восточной Азии в 3–2 тыс. до н. э. // Ломоносовские чтения: науч. конф., апрель 2007 г. Востоковедение: тезисы док. М. : Гуманитарий, 2007. С. 110–114.

Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты: Ч. 1 // Вопросы эпиграфики. Вып. 5. М., 2011. С. 7–118.

Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Современные данные о древнейших письменностях в Восточной Азии и связанные с ними знаки и тексты: Ч. 3 // Вопросы эпиграфики. Вып. 7. М., 2013. С. 15–103.

Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Историко-археологическое описание региона Восточной Азии в X–I тыс. до н. э. // Общество и государство в Китае: XLII науч. конф. Уч. зап. отд. Китая. М., 2012 а. Вып. 6. Т. 1. С. 39–62.

Деопик Д. В., Ульянов М. Ю. Исторические процессы в древней Восточной Азии в III – первой половине II тыс. до н. э. : складывание «двуединого» региона // Общество и государство в Китае: 42-я науч. конф. Уч. зап. отд. Китая. Вып. 7. Т. 42. Ч. 3. М., 2012 б. С. 7–39.

ИК – История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10-ти тт. М. : Наука–Вост. лит., 2016. Т. I: 974 с.

ИПО – История первобытного общества. М. : Наука, 1986. Т. II. 572 с.

Кокин М. Д., Папаян Г. К. «Цзин тянь»: Аграрный строй древнего Китая. Л. : Ленингр. вост. ин-т им. А. С. Енукидзе, 1930. [2], LXXIV, 3–184 с.

Кучера С. Древнейшая и древняя история Китая: ранний неолит юга страны. М. –СПб. : Нестор-История, 2020. 596 с.

Лантев С. В. Предыстория и история народов Вьет. М. : ГОУ ВПО МГУЛ, 2006. Т. 1. 608 с.

Люйши чуньцю: Вёсны и осени господина Люя // Философское наследие. Т. 132. М. : Мысль, 2001. С. 69–456.

Семёнов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М. : Мысль, 1974. 309 с.

Суровень Д. А. К вопросу о династии Ся: сложное вождество Ся // Древний мир: история и археология: сб. науч. ст. М.: МПГУ, 2022. С. 58–78.

Суровень Д. А. Процесс генезиса государства в древнем Китае // Китай: история и современность: материалы XI междунар. научно-практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 октября 2017 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 244–256.

Суровень Д. А. Ранняя форма государства в древнем Китае // Россия – Китай: История и культура. Сборник статей и докладов участников VIII научно-практ. конф. (Казань, 8–11 октября 2015 г.). Казань: Ин-т Конфуция КФУ, 2015. С. 214–222.

Суровень Д. А. Сложное вождество Ся древнем Китае // **Проблемы** истории общества, государства и права: Сб. науч. тр.. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2022 б. Вып. 18-й. С. 456–722.

Сыма Цянь. Исторические записки (Ши-цзи): в 9-ти тт. М. : Вост. лит., 1972. Т. I. 415 с.

Шан шу 尚書 // Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй»). М. : ИДВ РАН, 2014. 1149 с.

Шиллюк Н. Ф. История древнего мира: древний Восток. 2-е изд. Екатеринбург: УрГУ, 1997. 288 с.

Шиллюк Н. Ф. История древнего мира: древний Восток. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. 244 с.

Ши-цзи 史記 (в 10-ти тт. 全十冊). Пекин 北京: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1959. Т. I. 339 с.

Ni He. Taosi: An archaeological example of urbanization as a political center in prehistoric China // Archaeological Research in Asia. 2018, January. Vol. 14. P. 1–13.

The article was submitted on 20.06.2024